

АСТРАХАНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

[Г О Д Ъ П Я Т Ы Й.]

Выходятъ ежепедѣльно по воскресеньямъ. Годовая цѣна съ пересылкою и доставкой, равно и безъ пересылки и доставки 6 руб.

№ 19.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Астраханской Духовной Семинаріи въ г. Астрахань.

13-го мая 1879 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫСШІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволяя: благодарить всѣхъ сословія, служащихъ и жителей г. Астрахани за выраженные или въ телеграммѣ Начальника губерніи отъ 3-го апрѣля върноподданническія чувства по случаю избавленія Его Величества отъ угрожавшей опасности. (А. Г. В.).

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Отъ 31-го января—20-го марта 1879 года, за № 311—о недопущеніи въ церкви хъ сборщиковъ въ пользу общества „Краснаго Креста“.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 26-го января 1879 года, за № 883, слѣдующаго содержанія: По указанію Августѣйшей Покровительницы Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, главное управленіе того Общества, въ августѣ 1877 года, циркулярно извѣстило мѣстные управленія и комитеты Общества, что никакихъ сборовъ по свидѣтельствамъ и въ разныя кружки, а тѣмъ менѣе на тарелки въ пользу общества „Краснаго Креста“ не допускается. Объясненная выше мѣра была принята въ тѣхъ соображеніяхъ, что распропагандированная сборщи-

ка съ кружками и книжками, являвшіеся въ мѣстахъ, гдѣ только представлялось скопленію публики, вызывали ропотъ, а приглашенія къ добровольному пожертвованію обращали въ вымогательство, по меньшей мѣрѣ не желательное въ дѣлѣ общественной благотворительности. Не смотря однако на принятія мѣры, сборщики и сборницы съ носимыми кружками не перестаютъ, какъ извѣщаетъ генералъ-адъютантъ Ваумгартенъ, появляться въ церквахъ и публичныхъ собраніяхъ. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь Маковъ, сообщал о вышеизложенномъ и препровождая экземпляръ циркулярнаго предложенія по сему предмету министерства внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 16-го января 1879 года, просить сдѣлать распоряженіе о недопущеніи означенныхъ сборовъ въ церквахъ. **П р и к а з а л и:** Циркулярнымъ указомъ, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“, предписать московской и грузинско-имеретинской синодальнымъ конторамъ, епархіальнымъ преосвященнымъ и главнымъ священникамъ гвардіи и гренадеръ и арміи и флотовъ сдѣлать зависящія распоряженія о томъ, чтобы на будущее время въ церквахъ не были допускаемы никакіе сборщики въ пользу общества „Краснаго Креста“; о чемъ и сообщить редакціи журнала „Церковнаго Вѣстника“ по принятому порядку.

Вслѣдствіе сего Астраханская Духовная Консисторія 27 апрѣля постановила и Его Преосвященство утвердилъ: настоящій указъ Святѣйшаго Синода, принявъ по Консисторіи къ свѣдѣнію и руководству, опубликовать по епархіи также къ свѣдѣнію и въ потребныхъ случаяхъ къ исполненію, какъ со стороны бѣлаго, такъ и монашествующаго духовенства чрезъ припечатаніе въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

О поступленіи воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ университеты и другія высшія учебныя заведенія.

Государь Императоръ, 20-го сего марта, Высочайше повелѣтъ изволилъ: распространить на воспитанниковъ духовныхъ семинарій православнаго духовнаго вѣдомства общія правила, постановленныя въ законѣ для поступленія въ университеты и другія высшія учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ для лицъ, окончившихъ курса въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, и на семъ основаніи, начиная съ будущаго 1879—80 учебнаго года, прекратить доступъ въ университеты и

другія высшія учебныя заведенія воспитанниковъ семинарій, если они не подвергнутся испытанію зрѣлости въ гимназіяхъ или окончательному экзамену въ реальныхъ училищахъ вѣдомства означеннаго министерства, по принадлежности, наравнѣ съ тѣми, кои не окончили курса въ сихъ гимназіяхъ или училищахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть сохранить, въ видѣ временной мѣры, право поступленія изъ семинарій въ историко-филологическіе институты и въ ярославскій демидовскій лицей, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія установить тѣ ограниченія, какія онъ признаетъ нужными, дабы со временемъ и въ эти заведенія пріемъ изъ семинарій былъ допускаемъ на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ въ университеты и прочія учебныя заведенія.

Сверхъ того Высочайше повелѣно принимать, начиная съ будущаго года, воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ ветеринарные институты не иначе, какъ по выдержаніи ими, вмѣстѣ съ воспитанниками гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, испытаній, установленныхъ для перехода сихъ воспитанниковъ изъ 6-го въ 7-й классъ. („Прав. Вѣст.“).

Разныя Извѣстія.

„Правит. Вѣстн.“ сообщаетъ слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

1879 года апрѣля 24-го. По распоряженію генераль-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, основанному на заключеніи всѣхъ съѣхавшихся въ ст. Ветлянинской начальниковъ санитарныхъ отрядовъ, медицинскаго персонала и уполномоченныхъ отъ него лицъ, Астраханскій край объявленъ, 10-го сего апрѣля, въ благополучныхъ въ санитарномъ отношеніи, условіяхъ съ повсемѣстнымъ снятіемъ существовавшаго карантиннаго огражденія и съ прекращеніемъ карантинныхъ дѣйствій.

Государь Императоръ, по докладѣ Его Величеству министромъ внутреннихъ дѣлъ объ изложенномъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, согласно предположенію генераль-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, прекратить дѣйствіе ввѣреннаго ему временнаго астраханскаго, саратовскаго и самарскаго генераль-губернаторства,

Уволены въ отпускъ, согласно прошеніямъ, настоятели: Золотухинской Казанской церкви, Еногаевского уѣзда, священникъ Григорій *Никольскій*,

Солодовской Крестовоздвиженской церкви, Царевского уѣзда, священникъ Викторъ *Царевскій* и помощникъ настоятеля Верхне-Хуторской Покровской церкви, того-же уѣзда, священникъ Василій *Ермолаевъ*,—первый на два мѣсяца въ г. Тамбовъ и Саратовъ, второй на 28 дней и послѣдній на 1½ мѣсяца въ г. Казань (2, 3 и 5 мал).

— Праздное мѣсто псаломщика при Астраханской градской Троицкой церкви.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Нѣсколько словъ о хурулахъ, богослуженіи и празднествахъ, отправляемыхъ калмыками, кочующими въ Астраханской губерніи.

(Продолженіе) (1).

По уставу ламантовъ, бурханамъ можно приносить въ жертву все то, что люди употребляютъ въ пищу, кромѣ лошадиного мяса (*морина-маханъ*) и водки (*арна*) которыя употребляютъ духовенству строго воспрещается; но не смотря на это запрещеніе, въ степяхъ весьма часто можно встрѣчать гелюнговъ въ нетрезвомъ видѣ⁽²⁾. По этому, въ жертву богамъ можно приносить чай, молоко, кумысъ, масло, варенное мясо, *шуурмукъ*, *эйзе* и т. под.⁽³⁾

(1) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. №№ 7, 8, 9 и 15.

(2) Надобно замѣтить, что калмыцкое духовенство въ этомъ отношеніи гарантировало себя такъ: оно проповѣдуетъ простодушнымъ калмыкамъ, что духовенство—воплощенное божество; оно входитъ въ составъ буддійской триады (гурбыл-эрдэнэ); а потому выше всякихъ сужденій простодушныхъ. Ни зайсанги—цаганъ-яста, ни простой народъ—харакуны, словомъ никто не смѣетъ осудить ихъ. Если-же кто осмѣлится нарушить это правило, (т. е. осудить духовную особу, предающуюся пьянству, или другимъ порокамъ, не только словомъ, но даже помышленіемъ; тогда подвергается адекому мученію, въ отдѣленіи Виритъ. По ученію буддистовъ, это 18 отдѣленіе ада, въ которомъ мученіе будетъ состоять въ томъ, что чловѣкъ будетъ имѣть ноги—тонкія какъ свичи, чрево огромное, величино съ гору; аннеть—полчій; горло такое маленькое, какъ игольное ушко. Предъ нимъ будетъ находиться и лѣте и лѣте; но по такой миниатюрности нищепремнаго канала, онъ никогда не въ состояніи удовлетворить своему аппетиту, постоянно будетъ терпѣть страшный голодъ. Вслѣдствіе чего, при всѣхъ безобразіяхъ пьяныхъ духовныхъ особъ и поступкахъ, которые не дѣлали-бы чести и простодушину, легковѣрные калмыки всѣми мѣрами стараются игнорировать ихъ, усюпокоивать бурлящихъ степняковъ, видя въ самихъ безобразіяхъ и безчестныхъ поступкахъ дѣствіе—гурбыль-эрдэнэ, спасающаго людей, которыхъ простые смертные будто-бы понимать не могутъ! А потому калмыцкое духовенство стоитъ внѣ всякаго контроля; при такихъ взглядахъ, можно сказать и грѣшитъ—безгрѣшно. Вагоговіе къ этой кастѣ дотого разнито между кочевниками, что если-бы кто, даже пѣз лицъ начальствующихъ, приказалъ перевести на калмыцкій языкъ фразу, обидную для чести гелюнга, то переводчикъ, если овъ калмыкъ, или промолчатъ, или переведетъ ее въ измѣненномъ, болѣе мягкомъ видѣ, опасаясь чтобы за обиду священной личности гелюнга, словомъ, не подвергнуться адекнмъ мученіямъ, въ отдѣленіи Виритъ! Нерѣдко случалось видѣть и такую сцену, если кто-либо изъ постороннихъ лицъ, въ присутствіи набожнаго калмыка, начнетъ невыгодно стязываться о калмыцкомъ духовенствѣ, то калмыкъ не стаетъ его слушать, непременно уйдетъ изъ кабинета!

(3) Шуурмукъ—это сушеный тварогъ катушками; его употребляютъ съ чаемъ; а эйзе—сыръ изъ овечьаго молока.

Когда вещи, принесенныя въ жертву богамъ, простоятъ положенное время въ хурулѣ, то поступаютъ въ пользу духовенства, которое преапсетивно ихъ уничтожаетъ. По обычаямъ, освященнымъ временемъ, послѣ каждой перекочевки хурула на новое мѣсто, калмыки принадлежащія къ району онаго, непременно должны побывать въ хурулѣ на повосельѣ, и сдѣлать приношеніе если неготовою пищею, то живыми баранами, козами, телятами и т. под. Въ этихъ-то видахъ въ теченіе года духовенство и дѣлаетъ частыя перекочевки, чтобы болѣе получить обычныхъ приношеній въ хурул. Это обиліе жертвъ, со стороны кочевниковъ, всегда доставляетъ духовенству возможность удовлетворять свой аппетитъ. Почему въ степяхъ рѣдко можно встрѣтить худощаваго гелюнга, гецюля или маджика; большинство изъ нихъ обладаетъ значительнымъ дородствомъ, развивающимся болѣе и отъ празднои жизни.

Не лишне будетъ помѣстить отзывъ бывшаго главнаго попечителя калмыцкаго народа, генераль-маіора Костенкова, характеризующій жизнь калмыцкаго духовенства и его вліяніе на кочевниковъ. Въ статьѣ, „о распространеніи христіанства у калмыковъ“, онъ говоритъ слѣдующее⁽¹⁾:

„Обезпеченные богатыми приношеніями народа и имѣя свое обширное хозяйство, говоритъ г. Костенковъ, калмыцкое духовенство ведетъ совершенно праздную жизнь. По обѣту родителей, малолѣтніе дѣти, поступающіе въ духовное званіе (обыкновенно мальчики изъ младшихъ въ семействахъ) проводятъ время въ заучиваніи наизусть молитвъ на тибетскомъ языкѣ и въ услуженіи своимъ наставникамъ; но обученія грамотѣ на родномъ языкѣ и вообще школъ, ни при одномъ хурулѣ нѣтъ. Видя съ малолѣтства праздную и порочную жизнь своихъ наставниковъ, дѣти возрастаютъ и идутъ по тѣмъ-же слѣдамъ. Безбрачная жизнь, отсутствіе заботъ о матеріальномъ благосостояніи и совершенная праздность развиваютъ въ средѣ духовенства самыя гнусныя пороки. Калмыки видятъ все это, по выросши въ понятіяхъ своихъ отцовъ, все-таки оказываютъ уваженіе духовенству. Вслѣдствіе чего, калмыкъ никогда не произнесетъ словъ оскорбляющихъ достоинство духовенства, тѣмъ болѣе, что оно составляетъ *одну изъ трехъ драгоценностей*, на которыхъ зиждется буддизмъ, о чемъ гелюнки и стараются всею болѣе внушать народу“.

Далѣе въ той же статьѣ сдѣлана выписка изъ дѣлъ калмыцкаго управленія, въ которой мѣстное начальство, въ 1834 году, отзывалось о калмыц-

(1) Статья помѣщена въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1869 годъ.

комъ духовенствѣ такъ: „Классъ духовенства болѣе и болѣе умножается, потому-что вступающіе въ духовное званіе освобождаются отъ всѣхъ повинностей и пользуются уваженіемъ міранъ, наслаждаясь между тѣмъ праздною жизнью; духовенство содержитъ себя добровольными пожертвованіями, которыя не только обезпечиваютъ содержаніе оного, но далеко превышаютъ мѣру прямыхъ и существенныхъ надобностей жизни. За исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, духовенство вмѣсто того, чтобы служить образцомъ доброй нравственности для народа, подаетъ соблазнительный приѣмъ въ жизни. Цыпство, карточная игра, волокитство—суть отличительныя черты почти каждаго духовнаго лица; развратъ наиболѣе замѣтенъ между гелюнами, которые безпрестанно отлучаясь отъ своихъ хуруловъ, скитаются по хотонамъ⁽¹⁾, во-

(1) Въ теченіе года посѣщеніе хотоновъ совершается нѣсколько разъ. Присутствіе духовной особы въ кибиткѣ, калмыки почитаютъ высочайшимъ счастьемъ, ибо, по ихъ вѣрованію, оно далеко отгоняетъ йэрликъовъ (чертей) отъ жилищъ калмыковъ! И подлинно, какъ замѣчаетъ г. Нефедьевъ, (свѣд. о Волж. калм. стр. 96), въ кибиткѣ, гдѣ расположился гелюнецъ, йэрликъу ничего уже не остается дѣлать!... Всѣ желанія гелюнца, даже несогласныя съ устѣломъ замайскаго духовенства, выполняются въ точности... Но эти волжан, доставляющіе гелюнамъ полный разгулъ, имѣютъ особенное значеніе для хуруловъ. Переходи изъ кибитки въ кибитку, гелюнецъ узнаетъ сколько у того голова скота, сколько въ стадахъ пухъ весенняго приплода, кто сколько штукъ продалъ на ярмаркѣ, или гуртовщикамъ и по какимъ цѣнамъ? Эти статистическія свѣдѣнія о скотоводствѣ необходимы духовенству для соорженій на случай испривленія грѣбъ въ хотонѣ, или на случай смерти главы семейства. Сверхъ того, въ тоже время собираются подробныя свѣдѣнія о томъ, какія кто купилъ на ярмаркѣ цѣнныя вещи? напр. ковры, матеріи; какія кто сшилъ обновы себѣ, жентѣ, или дѣтямъ?—все до мельчайшихъ подробностей. Справки запрашиваютъ такъ ловко, что козеники въ этихъ распросахъ ничего и не подозреваютъ. А такъ-какъ въ хотонахъ бьшается отъ пяти и до 15 кибитокъ и большинство живущихъ родственники и каждому семейству на перечесть извѣстно что есть у его соседа, то гелюнги получаютъ самыя вѣрныя статистическія свѣдѣнія. Справки послѣдняго рода необходимы особенно для хурульныхъ лекарей—эмчи, которые полнѣе націентовъ и преимущественно шлюлюмомъ, (не соленый бульонъ изъ бараньихъ) вдругъ объявляютъ, что болѣзнь приключилась калмыку отъ того, что въ его сундукѣ есть такая-то несчастная вещь, (напр. шелковый халатъ, бешметъ; или съ серебрянымъ наборомъ; или съ серебряной оправой; сѣдло оправленное серебромъ; узда съ серебрянымъ наборомъ и т. под.) которыя онъ долженъ отдать въ хурулъ, чтобы получить облегченіе. Удивленный такою прозорливостію лекаря, націентъ тотчасъ приказываетъ достать изъ сундука (а въ кибиткахъ богатыхъ калмыковъ, ихъ бываетъ по нѣскольку штукъ, они ставятся одинъ на другой и застѣмываются коврами) вещь, поименованна гелюнгомъ, и безроотно отдаетъ ихъ на хурулъ. Впрочемъ они рѣдко доходятъ по адресу; болѣею частью эмчи, или продаютъ ихъ на базарѣ, обративъ деньги въ свою пользу; или берутъ вещи себѣ. Подобныя указанія лекарей на несчастныя вещи, *поддерживаютъ въ народѣ убѣжденіе, что гелюнги—воплощенное божество; потому-что знаютъ всѣ вещи, хранящіяся въ сундукахъ козениковъ. Вообще калмыкамъ леченіе обходится очень дорого. Націентъ долго не можетъ забыть этого времени; потому-что лишается и почетной цѣфры денегъ, и значительнаго числа скота, частью на подарки лекарю, частью на жертвы въ хурулъ. Если-же эмчи, видя безуспѣшность леченія сочтеть нужнымъ, согласно указанію зурхачейскихъ книгъ, лечить своего націента молитвою, то въ кибитку большаго изъ хурула приглашаютъ нѣсколько лицъ съ духовными висцерунентами, и начинаютъ моленіе о его выздоровленіи, при звукахъ духовной музыки. Въ этомъ случаѣ, сверхъ расходовъ на содержаніе богомольцевъ, нѣсколько дней, и благодарности каждому лицу отдѣльно, самую кибитку богатаго калмыка, въ которой совершалось моленіе, берутъ въ хурулъ.—Хозяинъ по выздоровленіи можетъ ее купить у духовенства за приличное вознагражденіе деньгами или скотомъ, если того пожелаетъ. Точно также духовенство распоряжается съ кибитками націентовъ еса-би они и умерли. Хворые бѣдники должны приковываться ближе къ хурулу, гдѣ ихъ лечатъ кое-какъ: то шлюлюмомъ, то отварами травъ.*

сбдственнымъ селамъ и городамъ, разказывала недѣльныя новости, поселяють раздоры между калмыками; подстрѣкають своими совѣтами къ тлжбамъ и ябедамъ и принимаютъ на себя званіе ходатаевъ по присутственнымъ мѣстамъ; вмѣшательство гелюнговъ и вообще духовенства въ дѣла свѣтскія имѣють въ виду одну цѣль: приобрести безъ труда денегъ на распутство“. Все вышесказанное, продолжаетъ г. Костенковъ, можно вполне отнести и къ настоящему составу калмыцкаго духовенства; присовокупивъ, что теперь оно потерявъ значеніе толкователей религін, по крайнему своему невѣжеству и незнанію ея, старается другими мѣрами поддержать свое вліяніе и значеніе въ народѣ. Выдавая только себя за посредниковъ мірянъ предъ Буддою, духовенство всеми способами старается обирать калмыковъ и убѣждать ихъ въ томъ, что они *не должны знать того, что содержится въ духовныхъ книгахъ, а должны только исполнять то, что передаетъ имъ духовенство*. Пользуясь слѣпымъ повиновеніемъ народа, духовные толкуютъ народу даже противоположныя ихъ религін мнѣнія, каждый по своему крайнему разумѣнію; такъ на примѣръ, у калмыковъ и особенно у людей набожныхъ, есть обычай обращаться, во всехъ болѣе или менѣе важныхъ житейскихъ дѣлахъ, за совѣтами къ духовенству; но не рѣдко случается, что предсказанія *зурхачевъ* (астрологовъ), объявляемыя по предварительномъ разсмотрѣніи *зурхачейскихъ книгъ*, мнѣются сообразно приношеніямъ, или въ видѣ исключеній, или обѣщаніемъ принять на себя несчастіе, или молиться предъ бурханомъ объ отвращеніи бѣды и т. под. Опредѣляя мѣсто переселенія души умершаго, *зурхачен*, въ случаѣ слишкомъ низкаго ея перерожденія, принимаютъ на себя, по просьбѣ родственниковъ умершаго, ходатайство предъ бурханомъ о переселеніи въ болѣе высшую степень перерожденія, потомъ объявляютъ что молитвы ихъ уважены и опять требуютъ приношенія, (которыя сверхъ назначеннаго количества денегъ, восполняются десятками, а иногда смотря по состоянію скотоводства, и сотнями головъ скота, жертвуемаго въ хуруль). Чтобы поддержать свое вліяніе на народъ, духовенство имѣетъ еще весьма важное средство, именно лѣченіе. — Излишне прибавлять что лѣкари — *эмчи*, болышею частію шарлатаны, безъ всякихъ понятій о медицинѣ и ихъ лѣченіе основано на одномъ суевѣріи. Словомъ, вся жизнь калмыка находится подъ вліяніемъ духовенства: родится-ли человекъ, женится-ли онъ, или умираетъ — гелюнги назначаютъ время для совершенія обряда; произойдетъ-ли раздоръ въ семействѣ, разбирательство дѣ-

дается духовными лицами (это право предоставлено имъ закономъ); нужно-ли перекочевать съ мѣста на мѣсто, ѣхать куда нибудь, калмыкъ обращается къ *Зурхачею* для назначенія ему счастливаго дня. Но кромѣ всего этого, духовенство нерѣдко противоѣдствуетъ правительству въ преслѣдованіи преступленій, скрываетъ преступниковъ⁽¹⁾, учитъ какъ отвѣчать при допросахъ, и часто превратно толкуетъ народу распоряженіе правительства“. Въ 1837 году по официальнымъ свѣдѣніямъ числилось: калмыцкаго духовенства 5,270 душъ; а кибитокъ или семействъ калмыковъ, во всѣхъ улусахъ 12,967. Нынѣ-же въ одномъ Малодербетевскомъ улусѣ считается болѣе 10 тысячъ кибитокъ; а потому можно положительно сказать, что и число калмыцкаго духовенства должно быть гораздо больше означенной цифры. Изъ всего вышесказаннаго г. Костенковъ выводитъ, что калмыцкій народъ, оставленный на произволъ невѣжественнаго духовенства, погибнетъ окончательно. Потому-что оно безжалостно обираетъ кочевниковъ; отчего стенины скотоводы мало-по-малу бѣднѣютъ, а хурумы постоянно богатѣютъ. При каждомъ хурумѣ есть скотъ, количество котораго доходитъ до огромной цифры, и кромѣ того, каждый гелюнгъ имѣетъ свои собственные стада.

(Продолженіе будетъ).

Протоіерей Пармень Смирновъ.

СЛАВЯНО-РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ И ПРАВОСЛАВІЕ.

(Продолженіе).(2)

II.

Указавъ кратко на нѣкоторыя изъ началъ, лежащихъ въ основѣ русской цивилизаціи, мы попробуемъ по этимъ даннымъ опредѣлить, что выйдетъ изъ нихъ на вышей, какаѣ только возможна, степени ихъ развитія.

Факты показали намъ, что въ народѣ нашемъ крѣпка вѣра православная, что крѣпокъ въ немъ и разумокъ. Оба эти фактора до настоящаго времени лежали въ немъ отдѣльно; не прикасаясь другъ къ другу. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ, съ большимъ проясненіемъ сознанія и разумокъ начнетъ болѣе

(1) Иногда разсыпаннаго преступника гелюнги показываютъ умершимъ, тѣмъ дѣло и оканчивается; прежде метрять у нихъ не было; нынѣ хотя и выданы книги, но ихъ никто не ищетъ. Живому мертвену мѣняютъ имя. Выбѣго Н о х о й к и, напр. назовутъ его Б а с а н к о й, и съ этимъ именемъ онъ преспокойно разгуливаетъ въ стенихъ, утѣряя всѣхъ и каждаго что имя ему переимено по указанію З у р х а ч е я, который нашолъ, что прежде имя несчастно; отчего онъ часто хворалъ. А это, по уставу ламантовъ, разрѣшается.

(2) См. Астрах. Епарх. Видом. №№ 1 и 2, 1879 г.

обширную дѣятельность. Несомнѣнно, что онъ прежде всего приступитъ къ анализу, и начнетъ провѣрять всѣ факты своего познанія, принятае на вѣру—и конечно скептицизмъ, какъ необходимый фазисъ развитія, необходимъ будетъ и здѣсь. Но мы рѣшаемся утверждать, что исходъ его будетъ благополучный. Такъ мы можемъ думать съ большою достовѣрностью, что русской мысли не нужно будетъ блуждать по темному лабиринту мелкихъ разысканій, изслѣдованій, соображеній и т. д. Она можетъ пользоваться готовыми результатами научной дѣятельности Запада; ей предстоитъ трудъ только повѣрить и оцѣнить добытые результаты. Послѣ борьбы—вѣра и разумокъ раздѣлятъ между собою права на философскую дѣятельность. Произойдетъ, дастъ Богъ, примиреніе, и общими силами онѣ создадутъ міросозерцаніе непоколебимое, полное, универсальное. Славяно-русскій смелъ, болѣе и болѣе питаемый новыми пріобрѣтеніями науки прогрессивно возрастаетъ въ своемъ объемѣ. Правда, что до состоянія полного развитія Славянскаго знанія и цивилизаціи по видимому еще далеко, но—какъ плодъ собираемый земледѣльцемъ, есть результатъ его трудовъ и благоприятныхъ природныхъ условій, такъ и прочныя пріобрѣтенія, постепенно дѣлаемыя славяно-русскою цивилизаціею являюся результатомъ извѣстной религіозности русскихъ и развитія въ нихъ общиннаго начала и гражданственнаго строя.

Отъ развитія общиннаго начала можно ожидать самыхъ добрыхъ плодовъ для государственной жизни. Вотъ съ народа спята уже крѣпостная зависимость, развязаны руки, и онъ допущенъ къ участію въ дѣлахъ своего государства. Грамотность скоро развяжетъ скованную невѣжествомъ мысль. Тогда народъ пойметъ свое серьезное положеніе, свое значеніе, и задумаетъ крѣпкую думу. Силы у него много, энергія живая, и не колеблется, не отступая ни передъ какими трудностями, онъ воплотитъ въ своемъ обществѣ полную, истинную идею Православія. Духъ Христовъ, это единственно-истинное цивилизующее начало, войдетъ въ духъ народа, и выразится въ жизни и общественной практикѣ самыми гуманными и рациональнѣйшими формами. Твердо вѣря въ постоянное попеченіе о благѣ избранныхъ Самаго Спасителя, и будучи убѣжденъ, что *Духъ Святый наставитъ на всяку истину* (Іоан. 14, 24), народъ православный на самомъ дѣлѣ осуществитъ все, что почитъ въ себѣ добраго. Любовь и свобода соединитъ всѣхъ неразрывными узами, и явится общество могучее, состоятельное по своимъ внутреннимъ силамъ и разумное во вѣншихъ убѣжденіяхъ.

Теперь мы еще раз обратимся къ эстетическому элементу народа, къ его пѣвучести. Чѣмъ суждено быть русской пѣснѣ? Заболитъ-ли она, поющая все печаль—тоску, убитая горемъ, обиженная, или полетѣтъ полнымъ потокомъ, не останавливаясь, *время широко и утѣшая весь міръ*. Источится-ли чувство въ позорныхъ оковахъ рабства, или разорветъ ихъ, и изъ наклѣпавшей груди издастъ новыя неслыханныя звуки? Нѣтъ, не русскому мощному сердцу склониться передъ горемъ—бѣдой; оно все перенесетъ, противъ всего устоитъ; оно проснется и найдетъ свою радость. Оно крѣпко вѣритъ въ себя,

„Поднимись, что силы
Размахни крылами,—
Можетъ наша радость
Живетъ за горами!“

(Коллцовъ).

И запоетъ оно тогда, гордое пережитой отрадой и славной побѣдой, такъ, что въ каждомъ звукѣ будетъ жизнь и смыслъ. Да, если въ итальянской музыкѣ слышится чувство легкое, поверхностное, извѣживающее, если въ нѣмецкой—видна серьезность, но отвлеченная и сухая мысль, стѣсненная классическою, взыскательной техникой, то въ русской музыкѣ услышимъ глубокое, много пережившее чувство и живую мысль; въ русской музыкѣ, которая не будетъ затрудняться средствами, для которой живая грудь отвѣтитъ вѣсто любого инструмента, въ этой музыкѣ скажется вся душа, до самой глубины своей, со вѣщимъ, что въ ней есть. Русская музыкальность дастъ музыкѣ полное содержаніе вѣсто одного легкаго чувства и вѣшнихъ формъ.

Вотъ, по нашимъ соображеніямъ, какіе плоды должны развиться изъ указанныхъ началъ. Этого ждетъ отъ русскаго народа развитое народное сознаніе. „Онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ, говоритъ оно Россіи. *Что пророчитъ сей необъятный просторъ?* Здѣсь-ли, въ тебѣ-ли не родиться безиредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь-ли быть богатырю, когда есть мѣсто развернуться и пройтись ему?“⁽¹⁾.

III.

Послѣ всего сказаннаго нами естественно спросить: какіе-же плоды получить цивилизація міра отъ участія въ ней славянскаго, и въ особенности, русско-славянскаго племени?

Вліяніе славяно-русской цивилизаціи должно простираться, по преимуще-

(1) Гоголь. Мертв. душ. стр. 427.

ству, въ двухъ направленіяхъ, на востокъ и на западъ. Изложимъ результаты этого вліянія сначала въ отношеніи къ западу.

А.) Въ 19-мъ вѣкѣ цивилизація запада достигла той полноты развитія, когда значеніе ея очевидно для всякаго болѣе или менѣе наблюдательнаго человѣка. Но результатомъ этой полноты—было почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды. Не потому цивилизація запада оказалась неудовлетворительною, что наука потеряла въ ней свою жизненную силу; не потому что та, или другая внѣшняя форма тяготѣла надъ отношеніями людей, или препятствовала развитію господствовавшаго направленія; напротивъ внѣшняя жизнь никогда не устроивалась послушнѣе и согласнѣе съ требованіями умственными и борьба могла бы только укрѣпить пристрастіе къ любимому направленію. Но чувство недовольства и безнадежности легло на сердца людей, мысль которыхъ не ограничивалась тѣснымъ кругомъ минутныхъ интересовъ, потому-что торжество ума обпаружило односторонность коренныхъ открытій и успѣховъ въ наукахъ, общій выводъ изъ всей совокупности познаний имѣлъ только отрицательное значеніе для внутренняго созерцанія западнаго человѣка; онъ отвергъ иной источникъ познания помимо разума; онъ, измѣнивъ Православію, уничтожилъ цѣльность созерцанія. Отъ этого жизнь потеряла свой существенный смыслъ; она не была проникнута однимъ глубокимъ и сильнымъ убѣжденіемъ; потому-что она не украшалась ни надеждою, ни согрѣвалась глубокимъ сочувствіемъ—этими отрадными дарами святаго Православія. Гордый западъ своими антирелигіозными воззрѣніями разрушилъ всѣ тѣ основы, на которыхъ съ самаго начала своего развитія стояло просвѣщеніе Запада... Вездѣ благотѣльнаго воздѣйствія Православія, абсолютизмъ западной теологіи смѣнился абсолютизмомъ философіи, которая въ свою очередь должна уступить мѣсто абсолютизму эмпирической положительной науки, то есть такой, которая имѣетъ своимъ предметомъ не начала и причины, а только явленія и ихъ общіе законы. Но—общіе законы суть только общіе факты, и по признанію одного изъ представителей эмпиризма, — „высшее совершенство для положительной науки можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы имѣть возможность свести всѣ явленія къ одному общему закону или общему факту, наприм. къ факту всемірнаго тяготѣнія, который уже не сводимъ ни къ чему другому, а можетъ быть только констатированъ наукой? Но для ума человѣческаго теоритическій интересъ заключается не въ познаніи факта какъ такого, не въ констатированіи его существованія, а въ его

объясненіи, то есть въ познаніи его причинъ, а отъ этого-то познанія и отказывается современная наука (Запада). Я спрашиваю: почему совершается такое-то явление, и получаю въ отвѣтъ отъ науки, что это есть только частный случай другого болѣе общаго явленія, о которомъ наука можетъ сказать только, что оно существуетъ. Очевидно, что отвѣтъ не имѣетъ ни какого отношенія къ вопросу и что „современная наука Запада предлагаетъ нашему уму камни вмѣсто хлѣба“. Не менѣе очевидно, что такая наука не можетъ имѣть прямого отношенія ни къ какимъ высшимъ цѣлямъ человѣческой дѣятельности, и притязаніе давать для жизни идеальное содержаніе было-бы со стороны *такой* науки только забавнымъ. Если-же подлинной задачей науки признавать не это простое констатированіе общихъ фактовъ или законовъ, а ихъ дѣйствительное объясненіе, то должно сказать, что „въ настоящее время западная наука совсѣмъ не существуетъ“, все-же, что носитъ теперь это имя, представляетъ на самомъ дѣлѣ только безформенный и безразличный матеріалъ будущей (славяно-русской) истинной науки; и понятны, что зияждительныя начала необходимыя для того, чтобы этотъ матеріалъ превратился въ стройное научное зданіе, не могутъ быть выведены изъ самаго этого матеріала, какъ планъ постройки не можетъ быть выведенъ изъ самаго этого матеріала—кирпичей, которые для нея употребляются“⁽¹⁾. Эти зияждительныя начала должны быть получены отъ высшаго рода знанія, отъ того знанія, которое имѣетъ своимъ предметомъ абсолютныя начала и причины, слѣдовательно истинное построеніе науки возможно только въ ея тѣсномъ внутреннемъ союзѣ, и притомъ на началахъ вселенскаго Православія, съ теологіей и философіей, какъ высшими членами одного умственного организма, который только въ этой своей цѣлости можетъ получить силу и надъ жизнью. Но такой синтезъ не противорѣчитъ-ли совершенно-общему духу западнаго развитія? „Та исключаящая отрицательная сила, которая раздѣлила и удлинила различныя сферы западной жизни и знанія, не можетъ сама-по-себѣ снова соединить ихъ. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить тѣ научныя попытки синтеза, которыя мы такъ часто встрѣчаемъ на западѣ. Такъ наприм. метафизическія системы Шопенгауера и Гартмана настолько сами безсильны въ области верховныхъ началъ знанія и жизни, что должны обращаться за этими началами къ Буддизму“⁽²⁾.

(1) Выдержка изъ рѣчи профес. Москов. универ. Вл. Соловьева, прочитанной въ публич. засѣдан. Общ. Любит. Россійск. Словесн.

(2) Ibid.,

Въ исторіи человѣчества, время отъ времени, наступаютъ критическіе періоды, обозначающіе упадокъ мыслительной способности и нравственныхъ свойствъ народовъ, а затѣмъ наступаетъ переработка всего человѣчества. Въ наше время именно и замѣчаются эти два симптома: упадокъ нравственности и потемнѣніе мыслительной способности народовъ Европы. Вотъ, по нашему мнѣнію, причина того крайне неслѣпнаго, безбожнаго и безнравственнаго направленія, какое видимъ нынче въ разработкѣ наукъ. Если нравственность упала, а разумъ поглупѣлъ, — то какихъ-же идей можно дожидаться отъ наукъ, какъ не тѣхъ, которыя нынче проповѣдуются во всеуслышаніе, съ явнымъ намѣреніемъ поколебать вѣру во все? Страшно, конечно думать, что человѣчество оглупѣло, когда безпрестанно одно за другимъ слѣдуютъ разныя открытія, изобрѣтенія и приводятся въ дѣйствіе самыя удивительныя и колоссальныя предпріятія; однако все-таки это не помѣшало человѣчеству поглупѣть. Современная медицина, какъ-бы въ явнѣе доказательство такой бѣды, открыла недавно новый родъ болѣзни, а Бріеръ де-Буамонъ прискалъ ей и пріличное имя, назвавъ ее умествующимъ „размышляющимъ сумасшествіемъ“ (*folie raisonnante*). И нѣтъ повода думать, чтобы произведенія, подобныя напр. позитивной философіи и таковой-же религіи, не были плодомъ этой болѣзни. Послѣ этого, все уже сидѣніе въ домѣ умалашенныхъ и пьюшіе быть туда посаженными философы, по христіански говоря, достойны нашей жалости. Но посреди этой эпидеміи „размышляющаго сумасшествія“, неужели не пробивается отъ источника истины ни одного отраднаго луча? Неужели у европейскаго человѣчества не осталось ничего для борьбы съ этой эпидеміей, тѣмъ болѣе страшной, что она имѣетъ видъ укрѣпляющаго и здороваго начала, а въ сущности есть ничто иное, какъ „размышляющее сумасшествіе?“ Нѣтъ, у западнаго человѣчества осталось еще очень много, осталось все, что нужно для человѣка, хотя этого и мало для тѣхъ, кто ведетъ родъ свой отъ скотовъ. Это *все*, оставшееся человѣчеству — есть *Вѣра и Церковь — Православныя*. Но это для западныхъ кичливыхъ умовъ, проникнутыхъ всеми обольщеніями и предразсудками западной болѣе или менѣе матеріалистической образованности стало невозможно... Это было и есть причиною, почему большая часть западныхъ мыслителей, не вынося ни жизни тѣсно эгоистической, ограниченной чувственными цѣлями и личными интересами, ни жизни односторонне уметвенной, не разъ обращались къ тому исходу, что составляли новыя начала жизни и истины, почерпая ихъ въ личной игрѣ сво-

ей фантазіи (наприм. начала коммунизма), но разъ пытались, и всегда съ полною неудачею, созидать на этихъ началахъ, великое зданіе цивилизаціи, и вотъ чаще и чаще стали являться ложныя, богохульныя системы. Плодомъ такой-то лихорадочпой дѣятельности западной мысли и были тѣ страшныя погромы въ жизни умственной (матеріализмъ крайній), нравственной (прости-туція, гражданскій бракъ и пр.)⁽¹⁾, общественной и политической (интернаціоналка, социализмъ и революціи...), какихъ свидѣтелями мы часто бываемъ. (Венгерская революція, Бельгійская, Итальянская и недавняя Французская—съ ее коммуною и пр.) Такіе страшныя погромы, которые служатъ живымъ свидѣтельствомъ давняго внутренняго антагонизма и распада на западѣ, ясно свидѣтельствуютъ о несовершенствѣ его фальшивой, безнравствен-ной, бездушнѣй цивилизаціи. Для примѣра возьмемъ хоть революцію Французскую 1789 года, о которой съ такимъ ребячскимъ энтузіазмомъ говори-ли и отъ которой такъ много выводили яко-бы важныхъ для челоуѣчества результатовъ. Результаты есть, но они гораздо легче, безъ всякой боли для государственнаго организма, достиглись-бы мирнымъ путемъ, конечно при иныхъ условіяхъ, при иной гуманнѣйшей цивилизаціи, основанной на любви Господа нашего Іис. Христа.

„Революція 1871 года, взываетъ парижская республиканская газета „La Montagne“, есть революція атеистическая. Наша республика поситъ на груди только вѣпокъ изъ иммортелей. Будемъ хоронить нашихъ мертвыхъ и любить нашихъ женщинъ—безъ молитвы!...“ Вотъ бездна, съ адскимъ хо-хотомъ указываемая челоуѣчеству современнымъ ученіемъ коммунистовъ, соци-аллетовъ и ихъ братій! Останавливается надъ злѣющею бездною—наблюда-тель, и невольно вопрошаетъ себя: дѣйствительно-ли благотворны тѣ начала, которыя чертила Франція на знамени своемъ 1793-го, 1844-го и 1871-го годовъ? Воскресимъ въ памяти своей предвѣщанія нѣсколько лѣтъ тому на-задъ умершаго *Прудона* (пресловутаго проповѣдника коммунизма и револю-ціонныхъ началъ): „Соціальная революція, писалъ Прудонъ въ какомъ-то необъяснимомъ наитіи духа пророческаго, можетъ повести только къ громад-ному перевороту, прямымъ послѣдствіемъ котораго было-бы сдѣлать почву безплодною и надѣть на общество рубаху для умалишенныхъ. Когда такое положеніе продлится лишь нѣсколько недѣль; когда, за тѣмъ, отъ вѣзза-наго голода, погибнуть три—четыре милліона людей; когда правительство останется безъ всякихъ средствъ, а страна безъ производства и торговли;

(1) Одинъ изъ лучшихъ повѣстныхъ статистиковъ—В а н п е у с ь не колеблется быстрое рас-пространеніе во Франціи столь страшнаго общественной язвы, какъ самоубійство, приписать исключительно извращенію нравственности, которое, по словамъ его, отозвалось неблагоприятно въ увеличеніи и другихъ, въ высшей степени безнравственныхъ поступковъ, каковы напр. дѣтубійства и—въ особенности покушенія на женское цѣломудріе, недавно побудившія Британское правительство утвердить билль о введеніи тѣлеснаго наказанія. (Warrpaus, p. 445).

когда Парижъ будетъ голоденъ и несостоятеленъ; когда департаменты будутъ держать его въ осаждѣ и онъ не станетъ получать съѣстныхъ припасовъ; когда казна станетъ отбирать у обывателей серебро и драгоценности для отсылки ихъ на монетный дворъ; когда единственный способъ собиранія податей будетъ заключаться въ домовыхъ обыскахъ; когда проголодавшіеся шайки будутъ разхаживать по странѣ и заниматься организованнымъ грабеджомъ; когда крестьянинъ, стерегущій свою жатву съ заряженнымъ ружьемъ въ рукахъ, броситъ поле свое на произволъ судьбы; когда будетъ похищенъ первый снакъ, произведено нападеніе на первый попавшійся домъ и осквернена первая попавшаяся церковь; когда зажжеть будетъ первый факель и первая попавшаяся женщина подвергнется поруганію; когда пролита будетъ первая кровь и отрублена первая голова; когда вся Франція будетъ объята ужасами опустошенія, — тогда вы узнаете, что-такое социальная революція; это — необузданная, вооруженная, упоенная местью и яростью масса народа; это — пики, топоры, обнаженные сабли, ножи и молотки; это — мрачный и безмолвный городъ; это — полиція, стерегущая семейный очагъ... Всѣ мнѣнія будутъ считаться подозрительными; всѣ слова будутъ подслушиваемы и всѣ слезы выслѣживаемы; всѣ вздохи будутъ на счету, и даже молчаніе не устоять противъ шпионства и доносовъ. Реквизиціи сдѣлаются нестерпимыми, принудительные займы все будутъ возрастать, а бумажные деньги упадутъ въ цѣнѣ. Междоусобная война и чужеземцы на границѣ, безжалостные проконсулы, комитетъ общественной безопасности, высшій комитетъ съ желѣзнымъ сердцемъ — вотъ плоды такъ называемой социальной и демократической революціи. Я всѣми силами ненавижу социализмъ, который, по моему мнѣнію, ни къ чему не способенъ, безнравственъ и можетъ только создавать обманутыя жертвы и мошенниковъ. Объявляю это, въ виду подземной пропаганды, безстыдной чувственности и грязной литературы. Я чистъ, возглашаешь наконецъ Прудонъ, отъ социалистическихъ глупостей!“

Къ сожалѣнію, это лишь пилатовское умовеніе рукъ предъ народомъ, вовлеченнымъ въ бездну коммунистическимъ учепіемъ разныхъ социаль-демократовъ со включеніемъ того самаго Прудона, которому такъ явно представились ужасныя его постыдствія. *Аще Азъ, глаголетъ Господь, не наполню силы Духомъ Господнимъ, и судомъ и силою, еже возвѣстити Иакову нечестія его и Израилеви грѣхи его, — усрамятся видящій сонія и посмѣянии будутъ волсви, зане не будетъ послушай ихъ* (Мих. 3, 7—8).

Согласно съ идеями, проповѣдуемыми въ социалистической печати, такъ называемая религія есть язва духовенства; религіозная вѣра — надувательство болзовъ, самое страшное суевѣріе и главный врагъ всякаго прогресса; догматы — результатъ сумазброднаго невѣжества; ученію о безсмертіи души —

величайшій вредъ, потому-что оно разслабляетъ духъ человѣческой, дѣлалъ его безсильнымъ къ выполнению своего назначенія въ этомъ мірѣ, и огрубляетъ народныя массы; вѣрять въ существованіе грѣха— есть величайшій изъ всѣхъ грѣховъ, такъ-что избавить человечество отъ вѣры въ Бога значить освободить его отъ величайшаго зла; выдуманная духовенствомъ религія держитъ людей въ потемкахъ, влечетъ ихъ къ неисчислимымъ проступкамъ и порокамъ, внушаетъ имъ ненависть къ ближнему и т. д.

Это богохульное отношеніе социалистовъ къ религіи невольно напоминаетъ слова Герцога *Веллингтона*, что „образованіе безъ религіи превращаетъ народъ въ псады сатаны“. И было-бы крайне опрометчиво оставлять социалистовъ въ покоѣ, въ томъ соображеніи, что, съ теченіемъ времени, безуміе ихъ идей и намѣреній обнаружится само собою, во всемъ своемъ безобразіи, и они безвозвратно погибнутъ... Люди, какъ люди, болѣе склонны принимать идеи неразумныя, чѣмъ благотворныя и мудрыя. И борьба, неустанная борьба, съ лжеученіями коммуны, матеріализма и социализма— составляетъ священный долгъ государства и общества и говоря вообще, социальный вопросъ долженъ разрѣшиться скорѣе на нравственной почвѣ, на торжественномъ исповѣданіи чистыхъ и истинныхъ идей Православія, а не на политико-экономической. Когда политическая свобода не сообразуется съ духомъ религіозно-нравственной дисциплины, то ей, какъ мы видѣли, весьма легко превратиться въ своеволіе и нанести величайшій вредъ обществу, которое, именно вслѣдствіе ложной свободы, пойдетъ скорѣе понятнымъ путемъ, нежели наступательнымъ, или прогрессивнымъ. И мы, точно, видимъ, что всѣ эти матеріалисты, коммунисты и социалисты— *съ похотью и стропотствоу сердца своего лукаваго идутъ на задня, а не на передня*. (Пер. 7, 24).

(Продолженіе будетъ).

Свящ. Константинъ Добросердовъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ официальный: Высшія правительственныя распоряженія: 1) Высочайшая благодарность. 2) Опрежденіе Святейшаго Синода— о недопущеніи въ церквахъ сборщиковъ въ пользу Общества „Краснаго Креста“. 3) О поступленіи воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ университеты и другія высшія учебныя заведенія. 4) Разныя извѣстія: Высочайшее повелѣніе— о прекращеніи карантинныхъ дѣйствій. Увольненіе въ отпускъ и праздное мѣсто. **Отдѣлъ неофициальный:** 1) Нѣсколько словъ о хулулахъ, богослуженіи и празднествахъ отправляемыхъ калмыками, кочующими въ Астраханской губерніи (продолженіе). 2) Славяно-русская цивилизація и православіе (продолженіе).

Редакторъ Я. Лебединскій.